

КОГДА КОРОНА ТЯЖЕЛА: ЦИФРОВЫЕ МЕДИА В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ

Анна Колчина

**Когда «корона» тяжела:
цифровые медиа в эпоху пандемии**

«Издательские решения»

Колчина А.

Когда «корона» тяжела: цифровые медиа в эпоху пандемии /
А. Колчина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531762-9

Под ред. А. Качкаевой, С. Шомовой. Этот сборник — попытка «остановить мгновенье» начала переосмысления и трансформаций, связанных с «глобальным заражением», возникшим в 2020-м году из-за встречи природного коронавируса с медиавирусом. В работе над проектом приняли участие сотрудники и выпускники Департамента медиа НИУ ВШЭ. Книга реализована при поддержке Центра цифровых культур и медиаграмотности НИУ ВШЭ.

ISBN 978-5-00-531762-9

© Колчина А.
© Издательские решения

Содержание

Анна Качкаева, Светлана Шомова	6
От редакторов.	6
Раздел I. Медийные и городские пространства: динамика изменений	8
Илья Кирия	8
Инфодемия Covid-19 как вызов глобальным моделям медиасистем	8
Анна Качкаева	17
Танцы с коронавирусом: динамические изменения языка российского телевидения в период первой волны пандемии (на примере информационного и общественно-политического вещания, февраль – май 2020 года)	17
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Когда «корона» тяжела: цифровые медиа в эпоху пандемии

Дизайнер обложки Анна Колчина

Редактор Анна Новикова

© Анна Колчина, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0053-1762-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анна Качкаева, Светлана Шомова

От редакторов. Год великого обнуления

В 2020-м весь мир споткнулся. Пандемия как будто поставила привычную жизнь «на паузу». Опустевшие города, стресс неопределенности, самоизоляция, карантин, локдауны, медицинский шторм, тотальный сдвиг из физического в цифровое, растерявшиеся политики, хрупкость жизненных инфраструктур и взаимоотношений, новое одиночество при общемировой включенности в Сеть. Заражение – реальное и цифровое – накрыло нас, вирусы – ковидный и медиакоммуникационные – стали «спусковыми крючками» социальных, экономических, политических потрясений, последствия которых мы пока не совсем представляем. Выражение «год великого обнуления» в России стало почти мемом; оно звучит в подкастах и прямых эфирах, в публицистических дискуссиях, в авторских колонках – и у него, оказывается, есть не только сиюминутно-политический для нашей страны смысл, но и экзистенциальный, и эсхатологический... Многое с нуля. Новая система отсчета запущена.

Когда в академические словари еще не было слов «фейк-ньюз», «постправда», «надзорный капитализм» и многих иных, на обложку русского издания Д. Рашкоффа «Медиавирус» (книга с налетом контркультурного радикализма уже давно в списках литературы для университетов) вынесли цитату: «Иллюзия безграничности незавоеванных территорий разрушена навсегда. Свободного пространства попросту больше нет, колонизировать больше нечего... Единственная среда, в которой наша цивилизация еще может расширяться, наш единственный настоящий фронтир – это эфир, иными словами – медиа... Это новое пространство называется инфосферой». В таком далеком от тогдашнего начала двухтысячных, в минувшем 2020-м, природный коронавирус встретился с медиавирусом. «Заражение» стало глобальным – и в мире реальном, и в мире цифровом, а «вирусные нарративы» теперь неотъемлемая часть нашей жизни. Впервые в истории человечества всемирная организация здравоохранения вместе с пандемией объявила инфодемию.

Перед вами – не академическое исследование, а, скорее, набросок. «Собрание пестрых глав», пользуясь выражением поэта. Сборник, составленный из разнообразных текстов – гибридных, как само наше время. Есть и академическая классика, и обзоры с заявками на исследования, и аналитика с элементами публицистики. Какие-то из этих текстов тезисны, какие-то представляют собой результаты уже завершеного исследования. Ценность сборника, на наш взгляд, – как раз в его «незамершем», текущем состоянии, в попытке фиксации ускользающего момента, в намерении высветить, как при фотовспышке, первое отражение того, что происходило в медиа и с медиа в год пандемии. Авторы, объединенные работой и учебой на департаменте медиа НИУ ВШЭ, – тоже разные. Есть среди них состоявшиеся авторы книг, учебников и монографий (доктора и кандидаты наук – политических, филологических, социологических, культурологических, Phd медиакоммуникаций), есть молодые ученые, публикующиеся в рецензируемых зарубежных изданиях, есть и начинающие исследователи – аспиранты и недавние выпускники магистратуры.

Этот сборник – попытка «остановить мгновенье» начала переосмысления, переопределения, пересборки. Пространств, видов в символической «рамке кадра» (от окна до зума), онлайн-сериалов как способа разговора, медиаполитик, трансмедиаграмотности, данных в журналистике, «цифровой трибуны» и цифровой несвободы, нового понимания «обществен-

ного блага», ответственности – личной и коллективной, доверия – друг другу, власти, государству...

Безусловно, очень многие темы в сборник не попали, о многом – писали и пишут наши коллеги: пандемия оказалась плодотворным временем для ученых и исследовательских коллективов всего мира. Многие проблемы в текстах сборника лишь намечены, они, несомненно, еще будут уточняться и расширяться в будущих исследованиях. Это необходимо для полноты и завершенности картины – как на глобальных «экранах» (от гаджета до онлайн-кинотеатров), так и «картины мира».

Бурные события начала 2021 года – штурм Капитолия и война социальных сетей против действующего президента США, дающая повод для споров о цифровых правах и свободах на годы вперед, – подтверждают, что люди, сообщества и государства в начале большой переборки. Будем считать, что наш сборник – один из первых вкладов в ее осмысление.

Раздел I. Медийные и городские пространства: динамика изменений

Илья Кирия

Кандидат филологических наук, Ph. D., профессор департамента медиа НИУ ВШЭ

Инфодемия Covid-19 как вызов глобальным моделям медиасистем

Пандемия коронавируса, пожалуй, впервые за долгие годы бросила вызов глобализации как таковой. Пустые аэропорты, повсеместно закрытые границы, существенные ограничения передвижения граждан – все это в целом вошло в тотальное противоречие со сформировавшейся с момента распада СССР глобальной, связанной средой, в которой транспортные потоки сопровождаются потоками информационными. В результате мы видим колоссальный разрыв между глобальным информационным миром (так как в период инфодемии мы продолжаем следить за глобальными новостями, в том числе зарубежными) и локальностью окружающей среды. Наблюдая за глобальными новостями и тем, как разные страны принимают различные меры по борьбе с пандемией, мы видим, насколько эти меры демонстрируют разнообразие политических режимов, специфических «паттернов» управления информационными потоками и технологиями, что в очередной раз позволяет нам задуматься о (не) возможности применения плоской модели «авторитарные/демократические» в анализе медиасистем. В данном теоретическом наброске мы попытаемся концептуализировать продиктованные пандемией ключевые вызовы для традиционных трактовок различий медиасистем и продемонстрируем многообразие политико-экономических факторов, повлиявших на «расхождения» между национальными политиками в области пандемии и специфическими стратегиями политической борьбы.

Связь между медиасистемами, доверием медиа, поведением людей в их бытовом медиапотреблении и – казалось бы, чисто эпидемиологическими – параметрами заболеваний, заражения и т. п. не такая уж отдаленная, как кажется. В условиях пандемии, когда значительная часть инфицированных не имеет каких-либо выраженных признаков заболевания, единственная технология выявления таких зараженных – это добровольное тестирование. Массовая явка на подобное тестирование (и массовое согласие это тестирование пройти, обращение к тестированию и т.п.), следовательно, является не чем иным как социальным действием, а следовательно, может быть детерминировано степенью паники, которая царит в обществе, степенью доверия определенным источникам информации и т. п. Разумеется, при условии, что к тестированию никого не принуждают насильно. С этой точки зрения сводки по численности инфицированных, за которыми мы регулярно следим через медиа, на самом деле говорят не о числе заболевших, а о числе тех, кто обратился за медицинской помощью и/или решил добровольно сдать тест. Мы можем предполагать, что в ситуации отсутствия массовой паники и «нагнетания обстановки» бессимптомные инфицированные (либо те, у кого симптомы не являются выраженными) не обращаются массово для тестирования и лечатся амбулаторно дома, что не перегружает систему здравоохранения теми больными, чьи шансы выздороветь самостоятельно чрезвычайно высоки, а также делает статистику гораздо более «скромной» по числу инфицированных. И в таком случае можно предполагать обратную зависимость – в ситуации массовой паники любые минимальные симптомы (либо просто тревожные сообщения) вызывают жела-

ние добровольно пройти тест, что, разумеется, сказывается и на выявляемости, и на перегрузке системы здравоохранения слабосимптомными или бессимптомными пациентами.

Инфодемия также стала первым глобальным информационным кризисом в новой политической реальности, которую принято называть «эпохой пост-правды» (хотя данное понятие давно перестало нести какую-либо единую концептуальную нагрузку). К ней мы относим, в частности, расцвет альтернативных ультра-правых и популистских организаций и их разнообразных каналов коммуникаций, включая, в том числе, чисто коммерческие агрегаторы и платформы, привлекающие трафик на свои ресурсы. В этой новой политической реальности меры, принимаемые правительствами в условиях пандемии, становятся для ультра-правых и популистских политических сил лакомым куском для выстраивания собственной риторики, которая способствует распространению альтернативных взглядов и зачастую сомнительной информации, что также может способствовать изменению поведения аудитории.

Сравнительные исследования медиасистем

Связь политических режимов и различных политических систем со спецификой конфигурации медиаландшафта (под которым, впрочем, разные исследователи понимают разные вещи) – едва ли не самое популярное из направлений исследований медиа. Тон этим исследованиям задали «классики» американской эмпирической социологии масс-медиа, предлагающие даже вводить специальное название для таких сравнительных исследований. Пол Лазарсфельд обосновал это так: «Существуют определенные возможности сравнения в сфере исследования международных коммуникаций, которые точно откроют новые и потрясающие объекты для исследований» (Lazarsfeld, 1952—53: 483). В связи с этим первая и не самая стройная попытка в данной сфере тоже была предпринята выходцами и «потомками» американской медиасоциологии – в частности, Уилбуром Шраммом. Известная книга «Четыре теории прессы» (Сиберт, Шрамм, Питерсон, 1998) стала, пожалуй, первой работой в сфере сравнения различных медийных режимов, которая, однако, оказалась сильно детерминирована правовыми аспектами (отсылками к общефилософским либертарианской и авторитарной теориям эпохи Просвещения) и контекстом холодной войны. В сущности, четыре получившиеся теории прессы (либертарианская, авторитарная, теория социальной ответственности и советская коммунистическая), разумеется, в основе своего разделения имели различия между политическими режимами. Поэтому связь между конфигурацией политических институтов и моделью медиа, которая понималась учеными в первую очередь как модальность ограничения деятельности журналистов, стала на долгие годы мейнстримом в данных исследованиях.

Разделение по политическим режимам надолго задавало тон в международных сравнительных исследованиях журналистики, которые часто апеллировали как к общему месту к «либеральной» модели журналистики (которая, как правило, отождествлялась с рыночной), либо к «коммунистическо-авторитарной». Собственно, международные индексы так и стали маркировать медиасистемы в контексте бинарной модели, разделяя на «свободные» и «несвободные» (не очень, впрочем, объясняя, что подразумевается под тем или под другим). Если бы мы сегодня применяли эти нормативные классификации к исследованию различных режимов реакции на «инфодемия», мы, вероятно, обнаружили бы полное расхождение внутри даже самых что ни на есть либеральных моделей.

Строго говоря, большая часть последующих исследований в этой области были как раз попытками продемонстрировать крайне разнообразные подходы к журналистике и медиа именно внутри тех стран, которые мы все вместе собирательно считаем «демократическими». В первую очередь эти подходы свелись к нормализации модели журналистики, в которой журналист не нейтрален, а довольно субъективен в выражении определенной политической позиции. Классическая нормативная модель журналистики, которая пришла из США, в значительной степени строит свои размышления на идее, согласно которой настоящий журналист

беспристрастен и объективно без выражения собственной позиции освещает события. В значительной степени такая точка зрения опиралась на наследие американского функционализма, трактующего медиа как средство объективного наблюдения граждан за социополитическим окружением (Lasswell, 1948), и на представления из политических и институциональных исследований, для которых медиа – это просто площадка информирования рациональных избирателей о качестве общественных благ и наборе политических альтернатив (Coyne, Leeson, 2009). Соответственно все остальные представления о другой журналистике, которая отстаивает определенную точку зрения даже в новостях, не предоставляет площадку другим мнениям и пр. – отвергаются, признаются «неправильным» или ненормативным журнализмом или вовсе не журнализмом, а «пропагандой».

К 1970-м годам возникают исследования, показывающие всю слабость такого нормативного подхода. Сеймур-Ур вводит в употребление термин «пресс/партийного параллелизма» (*press/party parallelism*), обозначающего наличие между газетами и политическими партиями организационной зависимости, приверженности журналистов партийным целям и наличия политического активизма у аудитории (Seymour-Ure, 1974). А Блумлер и Гуревич (Blumler, Gurevitch, 1975), а позднее и Макуйэл (McQuail, 1992) начинают применять термин медиаактивизм (это весьма вольный и неточный перевод английского *media partisanship*) для того, чтобы характеризовать журналистику, которая отнюдь не объективна, но тем не менее остается журналистикой.

Термин Сеймур-Ура был переименован в «политический параллелизм» и такие медиа стали восприниматься как особенность определенных национальных медиасистем благодаря серьезному компаративному исследованию Халлина и Манчини «Сравнимая медиасистемы. Три модели медиа и политики» (Hallin, Mancini, 2004). В этой работе авторы развенчивают миф о единстве медиасистем демократических стран, демонстрируя три принципиально разные модели взаимодействия медиа и политики:

- либеральная модель, которая характерна для США и Великобритании и предполагает низкую степень политического параллелизма из-за того, что медиа в основном развивались в парадигме свободного рынка и чаще всего были отдельными коммерческими предприятиями. В таких странах низкая степень вмешательства государства в дела медиа и высокая степень самоорганизации отрасли;

- демократически-корпоративная модель, свойственная Северной Европе, предполагает достаточно развитую зависимость медиа от рыночных условий (в этих странах самые сильные коммерческие печатные медиа в Европе), но в то же время средний уровень политического параллелизма, а также низкую степень участия государства при высокой степени саморегулирования прессы;

- поляризованная плюралистическая модель (или попросту Средиземноморская модель), характерная для Южной Европы: Италии, Испании, Португалии и в значительной (но не полной) степени Франции. Она предполагает, что в этих странах свободный рынок медиа исторически сложился плохо, поэтому медиа остались под существенным контролем промышленных компаний и финансовых интересов, связанных с разными политическими элитными группировками. Вкупе с высоким уровнем государственного регулирования это приводит к высокому же уровню политического параллелизма (и, условно говоря, идеологической политической окраске журналистики в целом).

Для многих показателей использования медиа между данными группами стран характерен определенный разрыв. Например, в странах-представителях второй модели (Северная Европа) гораздо больший процент населения участвует в политических дебатах онлайн, тогда как первый и особенно Средиземноморский тип демонстрируют низкую вовлеченность в них (Eurobarometer, 2018). В Средиземноморской модели медиасистем степень доверия определенным медиа (например, печатной прессе, телевидению, интернету) в среднем ниже, чем в стра-

нах Северной Европы. Средиземноморье отличается и по паттернам медиапотребления: здесь гораздо меньше потребляют печатные медиа и Интернет, чем телевидение (Eurobarometer, 2019).

Сравнительные исследования медиасистем являются одной из возможных оптик для взгляда на столь существенные межстрановые различия в темпах прироста заболеваемости и разных «режимах» управления в условиях пандемии. И здесь мы видим, что северные страны, более или менее соотносящиеся с теми, где принята демократически-корпоративистская модель, демонстрируют гораздо более «спокойное» отношение к пандемии. От так и не закрывшихся школ в Швеции до относительно точечных локальных мер по изоляции, что позволило сильно сгладить «кривую прироста» в Германии. Напротив, на юге Европы, в странах, где менее популярен Интернет и гораздо большее значение для общественной информации имеет телевидение, мы наблюдали ситуации колоссальной перегрузки системы здравоохранения, рекордные цифры прироста, существенную панику и т. п. Вероятно, и в основе таких разных подходов, как и в основе различий медиасистем, лежат культурные факторы, которые нам лишь только предстоит изучить.

Пандемия и политический популизм

Помимо выявления определенных различий политическо-медийных систем, пандемия стала испытанием на прочность нового «режима» политической коммуникации, в котором отныне господствует отнюдь не рациональное представление о политических процессах, свойственное классической школе. Радикализация правого и левого флангов, размывание «центризма», утрата политического доверия политическим институтам и классическим политическим партиям, опора политиков в большей степени на «эмоции», чем на факты и науку – это собирательный набор весьма разнородных явлений, которые ученые и особенно политики с большим энтузиазмом «окрестили» термином «политика пост-правды» (Tesich, 1992). В этой ситуации, помимо влияния медиасистем на разные режимы человеческой мобилизации в условиях кризиса, актуальным является рассмотрение того, каким образом пандемия стала способом политической коммуникации и установления «диспозитивов» доверия, контроля, легитимности.

Пандемия – это «идеальный кризис», реакция любого лидера на который является своего рода лакмусовой бумажкой его политики и его политического режима. Вместе с тем необходимо понимать, что, по сравнению с предыдущей пандемией такого масштаба (пандемией испанки в первой четверти 19 в.), политические режимы сильно эволюционировали. Даже Великобритания в 1917 году не представляла собой демократическое государство в традиционном смысле этого слова. Только в 1918-м там был отменен имущественный ценз для участия в выборах, а женщинам предоставлено избирательное право начиная с 28 лет. Фактически значительная часть стран, которые мы сегодня называем демократическими, в период пандемии «испанского гриппа» не были обременены необходимостью соблюдения гражданских свобод в условиях колоссальных ограничений, обусловленных эпидемиологической обстановкой. Поскольку это происходило еще и параллельно с Первой мировой Войной, любые злоупотребления тогда могли быть списаны на военное время. Известно, что лучше всего с крупными эпидемиями справлялись авторитарные режимы, которые спокойно могли позволить себе принудительную массовую вакцинацию населения вопреки воле этого населения. Однако с момента последней крупной пандемии, сравнимой с нынешней (испанки), количество политических режимов, которые не могут себе этого позволить, существенно выросло.

Сегодня ситуация с применением правительствами противоэпидемиологических мер неминуемо наталкивается на ограничения гражданских свобод в демократических государствах, что не может не приводить к недовольствам. Однако на эти ограничения неохотно идут и власти «автократий», потому что за последние 60—70 лет чистые автократии почти полно-

стью и повсеместно переродились в так называемые «гибридные режимы», многие из которых являются электоральными автократиями, а следовательно, вынуждены поддерживать тот или иной уровень гражданских свобод для легитимации власти автократов. Гуриев и Трейсман отмечают существенное сокращение использования такими режимами прямых средств принуждения (физических репрессий, насилия, военной силы) за последние десятилетия и в то же время укрепление их идеологическо-информационной составляющей (Guriev, Treisman, 2019). В результате мы наблюдаем разнообразие стратегий властей в части давления на медиа в период пандемии.

Строго говоря, сегодня мы можем видеть два экстремально полярных друг другу, но поучительных кейса. Первый – это существенная медиатизация образа лидера в период пандемии, которая активно используется для укрепления собственного авторитета не только политиками у власти, но и оппозицией, и популистскими партиями. Действительно, наличие пандемии как общего врага может иметь эффект объединения вокруг флага (Mueller, 1970), характерный для, например, разного рода внешних угроз, когда политики действительно зарабатывают дополнительные очки. И многие лидеры европейских государств с удовольствием воспользовались данной ситуацией. Эммануэль Макрон начал свою первую речь, когда он объявлял о всеобщем локдауне 16 марта, с фразы: «Мы вступили в войну...». В результате на протяжении первых месяцев пандемии, и даже на фоне смены премьер-министра с Эдуарда Филиппа на Жана Кастекса, рейтинг Макрона уверенно рос ровно до тех пор, пока не начался кризис, обусловленный тем, как власти решали вопрос, связанный с вспышкой исламских и антиисламских настроений на фоне убийства учителя истории из пригорода Парижа... А премьер-министр Венгрии Виктор Орбан в конечном итоге получил на фоне пандемии от парламента беспрецедентную власть и полномочия в связи с экстренной ситуацией. Объединение вокруг флага, очевидно, стало дополнительным стимулом для некоторых политиков-популистов всячески «выпячивать» собственное заражение Covid-19. Премьер-министр Великобритании Борис Джонсон, Дональд Трамп и многие другие политические лидеры воспользовались собственным заболеванием, чтобы продемонстрировать населению единение с обычными людьми, которые так же беззащитны перед лицом вируса, как и политики.

Противоположная стратегия предполагает определенное «дистанцирование» политиков от пандемии и принятия ключевых решений, что стало характерным для ряда стран, например, таких, как США и Россия. Хотя «природа» подобного дистанцирования в американском и российском случаях разная. Американское «дистанцирование» было связано с колоссальным расхождением популистской риторики президента (который длительное время вообще отрицал существование коронавируса, затем переложил ответственность за его появление на Китай и т.д.) и реальных мер, которые принимались преимущественно на уровне отдельных регионов страны, в частности, Нью-Йорка, пережившего самую большую вспышку эпидемии. Аналитическая оптика для понимания ситуации в России принципиально иная и связана с понятием «bad governance» – «недостойное правление» в терминологии Владимира Гельмана (Гельман, 2019) – и попыткой центральной власти дистанцироваться от принятия жестких мер, переложив их на власти регионов. Центральная власть накануне принятия поправок в Конституцию побоялась объявлять официально о введении карантина и принятии иных жестких мер, так как это могло негативно сказаться на уровне рейтинга президента, а этот рейтинг является мерилем российской политической легитимности и стабильности. В результате перекладывание ответственности на регионы, в условиях недостатка у последних ресурсов и полномочий, привело к тому, что – за редким исключением – регионы и их руководство не боролись с эпидемией и ее последствиями, а создавали такую систему перекладывания ответственности, которая позволила бы им избежать наказания. В модели зарегулированной «вертикали» трата ресурсов (за которую потом могут наказать) становится гораздо менее выгодной, чем манипуляции со статистикой, информацией и т. п. В этой ситуации «недостойное правление»

обращивается прямым давлением на информационную составляющую, пропаганду, конструирование образа властей в период пандемии. Любопытно, что дистанцирование центральных властей от ситуации привело к относительной редакционной панике центральных медиа, которые какое-то время работали «без методичек» и демонстрировали существенно полярные стратегии в части освещения пандемии в России. Их объединяли лишь общие призывы к мерам социального дистанцирования и «внушающие страх» репортажи из Европы и США, в которых дела якобы обстоят гораздо хуже, чем у нас. Этого нельзя сказать о региональных информационных ресурсах и местном телевидении, которое почти эксклюзивно и постоянно демонстрировало усилия местных властей для противодействия пандемии.

Характерными для информационных автократий являются попытки использовать пандемию для того, чтобы лучше контролировать медиа и распространение информации. В России, как известно, пандемия стала полигоном для испытания действия нового закона о фейковых новостях. Подобные же меры можно наблюдать и в кейсах с другими схожими политическими режимами, например, в случае с Турцией, которая в связи с пандемией всерьез начала рассматривать инициативу о принятии закона, вводящего существенные дополнительные меры регулирования по отношению к зарубежным сайтам социальных сетей. В частности, вводится обязательство регистрировать на территории страны эти социальные медиа и открывать локальные офисы для того, чтобы реагировать на запросы властей по поводу блокировки определенного контента.

Наконец, еще одним политическим приемом, характерным для очень разных политических режимов, но, очевидно, связанным с популизмом, стало отрицание проблемы вируса как такового. Помимо Дональда Трампа и США в схожей риторике выступали такие разные политики, как Александр Лукашенко (заявивший, как известно, что в Белоруссии ни один человек не умрет от коронавируса), Борис Джонсон, Жозе Бальсарну и ряд других. И уже сегодня есть первые научные статьи, доказывающие связь стратегии «отрицания» с поведением аудитории. В частности, это исследование Мариани и коллег (Mariani, Gagete-Miranda, Retti, 2020), которое показывает, что после заявлений Бальсарну о том, что коронавирус – это обычный грипп и отрицания проблемы, самое большое число заболевших и высокая смертность были зарегистрированы в муниципалитетах, поддерживающих Бальсарну. Это яркий пример того, каким образом политические заявления способствовали снижению мер социального дистанцирования. А работа Олкотта и коллег (Allcott et al., 2020) обнаруживает существенные различия в соблюдении мер социального дистанцирования в зависимости от уровня политической приверженности в США. В частности, сторонники республиканцев демонстрируют более низкий уровень социального дистанцирования и соблюдения ограничительных мер, чем избиратели-демократы. При этом существенную роль в выборе поведения играют именно масс-медиа и то, как они репрезентируют серьезность мер, принимаемых правительством.

Политика популизма, построенная на обращении к эмоциям и на символическом конструировании «исключения» определенных групп из политики (Мюллер, 2018), очевидно, лежит в центре внимания риторики отрицания вируса и структурирует дискурс политиков и медиа. Отрицание вируса или его существования построено на типичной для популистов риторике, что, дескать, вирус придумали элиты для конкурентной борьбы в мировой экономике, для межгосударственной конкуренции и т.п., но мы-то и есть народ, поэтому мы не признаем этот вирус как вирус элитных групп. Такая риторика была характерна и для белорусских властей, и для некоторых чиновников на Украине, утверждавших, что нужно лечить коронавирус салом и чесноком. Другим характерным для популистов приемом стало приписывание причин коронавируса неким внешним воздействиям и его ассоциация с проблемами миграции, что делало тему вируса популярной не только среди правых популистов и центристов, но и в кругах ультра-правых радикалов. В России в самом начале пандемии риторика предполагала, что вирус исключительно привозят из Европы самолетами обеспеченные россияне. Строго говоря,

ограничительные меры, нацеленные на самоизоляцию прибывающих из Европы, на это и были направлены. В США наблюдалась схожая риторика, и если Европа, где на тот момент наблюдалось больше, чем в США выявленных случаев, закрывала границы постепенно, то США это сделали достаточно жестко и одновременно.

Популизм в условиях нынешней пандемии – это совсем не тот популизм, который мы наблюдали во второй половине XX века, что делает инфодемию гораздо более выраженной. Изменилась экология медиапространства. Количество каналов коммуникации существенно выросло, а общее доверие населения политическим институтам в целом упало, что привело к определенной фрагментации источников политической информации и публичной сферы в частности. Фактически мы наблюдаем все большее размывание границ между журналистикой, журналистским активизмом (*journalism partisanship*) и «ультра-правым порядком дезинформации», построенным исключительно на циркуляции фейковой информации, различных теориях заговора и пр. (Bennett, Livingston, 2018). При этом в США, например, фейки концентрируются вокруг таких ультра-правых онлайн-ресурсов, как Breitbart, но при этом проникают в публичный мейнстрим благодаря правым медиаресурсам, как, в частности Fox (Farisetal, 2017). Потребителям информации доступно множество альтернативных ее источников, но при этом данные потребители все меньше доверяют политикам, что приводит к росту популярности различных теорий заговора и фейков, кардинально непохожих на информацию, которую дают мейнстрим-медиа. Поскольку чаще всего источниками такой информации становятся право-радикальные политики, в результате те избиратели, которые раньше голосовали за центристские партии, все больше склонны к голосованию за ультра-правые и радикальные партии (Bennett, Livingston, 2018).

Европейская ситуация в целом отличалась от американской, где публичное «принижение» опасности коронавируса исходило в основном от Трампа и его сторонников и вполне неплохо культивировалось альтернативными правыми медиа. В Европе значительная часть стран и их правительства в целом всерьез восприняли опасности коронавируса и быстро стали вводить ограничения. Поэтому стратегия оппозиционных партий и популистов не у власти заключалась в том, чтобы данные ограничения подвергать сомнению. На материале исследования аккаунтов немецких политических партий в социальных сетях Тобиас Видманн показывает ключевое расхождение в коммуникативных стратегиях немецких политиков по поводу пандемии. Если правящая партия предпочитала с ростом активных кейсов COVID-19 усиливать риторику страха и менее выражено проявлять риторику «надежды», то популисты и оппозиционные партии предпочитали прямо противоположную стратегию: с ростом заболеваемости они усиливали риторику «надежды» и делегитимизировали жесткие карантинные меры, а при снижении уровней заболеваемости, наоборот, усиливали алармистскую риторику. При этом именно радикальным партиям удавалось получать гораздо больший социальный отклик (в виде репостов и лайков), чем другим политическим силам (Widmann, 2020).

Заключение

Пандемия, как видим, вносит множество изменений в «плоские» представления о классификации политических партий и отношениях между медиа и политиками, разбивая на мелкие осколки традиционные представления о стратегиях политической коммуникации и использовании медиа различными политическими режимами.

Во-первых, мы видим, насколько радикально внутри себя отличаются так называемые «демократические медиа», демонстрирующие разные стратегии политических акторов и выходящие за пределы традиционной «журналистики» или традиционной «пропаганды», в результате чего массовая аудитория регулярно сталкивается со смешением журналистского дискурса, активистского дискурса и радикального дискурса (в значительной степени детерминированного вообще не новостным контекстом, а популярными слухами, теориями заговора и т.п.).

Во-вторых, политическая риторика преимущественно работает в пользу «правых» и «популистских» партий, что делает распространение пандемии более массовым в связи с тем, что эти партии в значительной степени принижали значимость жестких мер социального дистанцирования, вводимых правящими партиями.

Наконец, различия детерминированы межстрановыми факторами доверия медиа и политическим институтам, что требует кропотливой работы по сопоставлению различных параметров доверия и использования медиа в различных политических режимах с динамикой пандемии.

Список литературы и источников

Allcott H., Boxell L., Conway J., Gentzkow M., Thaler M. & Yang D. (2020). Polarization and Public Health: Partisan Differences in Social Distancing during the Coronavirus Pandemic. *Journal of Public Economics*, Volume 191 (2020).

Bennett L. & Livingston S. (2018). The disinformation order: Disruptive communication and the decline of democratic institutions. *European Journal of Communication*, Vol. 33 (2): 122—139.

Blumler J. and Gurevitch M. (1975). Towards a comparative framework for political communication research. *Political communication: Issues and strategies for research* / Ed. by S. H. Chaffee. PP. 165—193.

Coyne, C., Leeson, P. (2009). *Media, Development, and Institutional Change*. Northampton (MA): Edward Elgar

Eurobarometer (2018). Special Eurobarometer 477. Democracy and elections. Brussels: EC, url: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/yearFrom/1974/yearTo/2019/surveyKy/2198>

Eurobarometer (2019). Standard Eurobarometer 92, Media use in the European Union, Brussels: EC, url: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/yearFrom/1974/yearTo/2019/surveyKy/2255>

Faris R., Roberts H., Etling B. et al. (2017) *Partisanship, propaganda, and disinformation: Online*

Guriev S., Treisman D. (2019). Informational Autocrats. *Journal of Economic Perspectives*, 33 (4): 100—127.

Hallin D., Mancini P. (2004). *Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lasswell H. (1948) The structure and function of communication in society. In Bryson L. (ed.) *The Communication of Ideas*. New York: Harper and Brothers.

Lazarsfeld P. F. (1952—53). The prognosis for international communications research. *Public Opinion Quarterly* 16: 481—90.

Mariani L., Gagete-Miranda J., Retti P. (2020). Words can hurt: How political communication can change the pace of an epidemic. *OSF Preprints ps2wx*, Center for Open Science, URL: <https://ideas.repec.org/p/osf/osfxxx/ps2wx.html>

McQuail D. (1992). *Media Performance. Mass Communication and the Public Interest*. London/Newbury Park: Sage.

Partisanship, Propaganda, and Disinformation: Online media and the 2016 U.S. Presidential election. (2017) Berkman Klein Center (Harvard), 16 August. government of lies. *The Nation*, Jan. 6/13, 12—14 URL: <https://cyber.harvard.edu/publications/2017/08/mediacloud>.

Mueller J. (1970). Presidential Popularity from Truman to Johnson. *American Political Science Review*. 64 (1): 18—34. doi:10.2307/1955610

Seymour-Ure C. (1974). *The Political Impact of Mass Media*. London/Beverly Hills, CA: Constable/Sage.

Tesich S. (1992) A government of lies. *The Nation*, Jan. 6/13, 12—14

Widmann T. (2020). *Fear, Hope, and COVID-19: Strategic Emotional Rhetoric in Political Communication and its Impact on the Mass Public*. SSRN Preprint, URL: <https://ssrn.com/abstract=3679484> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3679484>

Гельман В. (2019) «Недостойное правление». Политика в современной России. Санкт-Петербург: Изд-во ЕУ СПб.

Мюллер Я.-В. (2018) Что такое популизм. М.: ИД НИУ ВШЭ.

Сиберт Ф., Шрамм У., Питерсон Т. (1998) Четыре теории прессы. М.: Международный институт прессы, Изд-во «Вагриус».

Анна Качкаева

Кандидат филологических наук, профессор департамента медиа НИУ ВШЭ

Танцы с коронавирусом: динамические изменения языка российского телевидения в период первой волны пандемии (на примере информационного и общественно-политического вещания, февраль – май 2020 года)

Происходящее с миром, с нами и с медиа в этом шальном 2020-м не совсем укладывается в рамки традиционного научного текста. Случившийся глобальный сдвиг баланса между цифровым и физическим нарушил естественное проявление биологического. Наше социальное и физическое пространство сжалось, но наше цифровое пространство невероятно расширилось. Впервые за многие десятилетия многие люди вынуждены ограничить передвижение и «самоизолироваться», а время самозаточения никак нельзя сократить. Мы все оказались в кругах созависимости. Пандемия испытывает на прочность человеческое сочувствие и соучастие, а все системы мироустройства на адаптивность к изменениям. Вот почему метафора танца кажется уместной. Следовать, подчиняться, сопротивляться, нащупывать, менять направление, импровизировать, в конечном счете – кооперироваться и адаптироваться: в этом, кажется, и есть суть движения в ситуации глобальной и личной неопределенности.

11 марта 2020 ВОЗ объявила пандемию коронавируса. С 15 марта 2020 и до отмены режима самоизоляции в Москве 8 июня 2020 на своей странице в Facebook я стала вести «карантинные телехроники» (хештег **#карантинмедиа**, в тексте ниже эти посты из моего аккаунта приведены более мелким шрифтом), несколько раз в неделю фиксируя реакции людей и многих закрывшихся институций, на наших глазах превратившихся в «я-медиа» вещателей.

Происходящее в эти два с половиной месяца с/на ТВ важно было зафиксировать по нескольким причинам:, в тексте ниже

– граждане, государства и медиасистемы, как важнейшая часть глобальных и национальных коммуникаций, оказались в принципиально новой ситуации – ситуации инфодемии;

– во время повсеместных локдаунов и карантинных мер, когда сотни миллионов людей участвовали в глобальном эксперименте жизни «на удаленке» (работа, образование, досуг), произошел существенный всплеск интереса к ТВ по сравнению с постоянно падающим на протяжении предыдущих нескольких лет телесмотрением (время просмотра ТВ в первый месяц каникул-изоляции в России увеличилось на 25%, по данным апрельского Медиаскопа);

– два первых федеральных канала – универсальные с точки зрения программирования, – в основном, имеют дело со взрослой и пожилой аудиторией, которая оказалась наиболее уязвимой для болезни и испытывала повышенный стресс из-за карантинных мер (запреты, изменения распорядка и образа жизни, одиночество, невозможность освоить цифровые предписания и инструменты);

– телевидение, которое не может «встать на паузу», «с колес» осваивало гибридные форматы, меняло программную сетку и лица, масштабно включало в эфир домашние стримы отправленных на удаленку ведущих и корреспондентов, демонстрировало «сетевое творчество масс» и контент многих культурных институций, закрывшихся для посетителей, а также марафоны, акции, концерты в поддержку врачей и уязвимых групп населения.

Был и антропологический интерес – через несколько месяцев после «первой волны» посмотреть на собственную оптику периода высокой неопределенности. Став «наблюдателем наблюдателей» с естественным ограниченным сектором обзора, попробовать сравнить «коды» первой реакции на репрезентируемое в новостях и общественно-политических телевизионных форматах с уже более-менее выработанным телевидением «кодом» на вызов «инфодемии» спустя полгода.

Думается, этот гибридный формат сетевых хроник – посты в фейсбуке с последующим научным комментарием, – в каком-то смысле, тоже отражение нашего пересобираемого времени.

«Хроники» разделены условно на два периода: с объявления пандемии ВОЗ 11 марта и до объявления «режима самоизоляции» в Москве 30 марта; и собственно время карантина – с 30 марта до снятия режима 8 июня.

Прежде, чем анализировать трансформацию «повестки дня» и то, как менялся экранный язык информационного и общественно-политического вещания основных федеральных каналов, важно зафиксировать информационный фон конца февраля – первой декады марта (до того, как в мире была объявлена пандемия, а в столице России уже стало невозможно не сообщать о стремительном увеличении случаев заражения).

«Совсем обнулили»

До начала марта в эфире было не особенно нервно. Скорее, даже спокойно. Да, в новостях уже показывали обезлюдевший Ухань, «ад» в городских больницах, дезинфекцию города с вертолетов (Время, 26. 01. 2020) и задержания коронопранкеров в Москве, которые пугали пассажиров в метро и подшучивали над согражданами, облачившись в костюмы химзащиты (Время, 10.02.2020). В дневных шоу с конца января в студиях со зрительской массовой начали обсуждать новый коронавирус.

Темы типичного коронавирусного блока дневного эфира этого периода связаны с: а) осторожным предупреждением Минздрава об опасности – «биологическая угроза здоровью россиян» / принимаются меры / на границе с Китаем меры усилены; 2) конспирологическими версиями искусственного происхождения заболевания, которые высказывают эксперты-специалисты, не верящие в «очередной вирус»: «красивое название» коронавирус – это «испытание нового биологического оружия»; «свиным и птичьим гриппом» тоже занимались «знатоки геномного пасьянса»; «китайский вирус» можно сравнить с «ментальным вирусом Греты Тумберг»; «нет разницы между беспилотником и летучей мышью» и т.д.; 3) первыми попытками врачей и инфекционистов – пока не многочисленных – как-то объяснить происходящее: «природе не нужно ничего помогать создавать – это коронавирус с высокой мутацией», «не надо путать коронавирус и грипп» (Время покажет, 22.01.2020).

Но все-таки главной темой и новостей и ток-шоу вплоть до середины марта была тема обсуждения поправок в Конституцию и «обнуления» президентского срока. 10 марта 2020 в телеэфире и в сетях развернулась многоактная трансляция зрелища из Госдумы, где во втором чтении рассматривались поправки в Конституцию. В ходе обсуждения слово попросила депутат от «Единой России» Валентина Терешкова, которая крайне редко выступает в Госдуме (спикер Володин даже заметил, что на «его памяти вообще впервые»). Первой в мире женщине-космонавту представили право призвать как-бы колеблющегося лидера к новому президентству. Легендарная Терешкова, выступавшая еще перед Брежневым, как «родина-мать» представила стране ее прошлое будущее. Она призвала «или вообще убрать ограничения по числу президентских сроков в Конституции, или <...> заложить в законе возможность для действующего президента вновь избираться на эту должность, уже в соответствии с обновленной Конституцией» (Вести, 10.03. 2020). Путин приехал в Госдуму без опоздания (что само по себе подчеркивает значительность момента) и лично выступил перед депутатами.

Таким образом, два месяца коронавирус состязался за внимание публики в эфире новостей и общественно-политических программ с «поправками» и «обнулением срока» действующего президента. «Совсем обнулили». Шутки про «обнуление» сроков и «обнуление» коронавирусом в социальных медиа стали сливаться. Острословы в сетях шутили: коронавирус побеждает, но поправки не сдаются.

После 10 марта федеральный эфир уже лихорадило. Стали чуть более сдержанными ведущие дневных ток шоу. Новое вечернее разговорное шоу ДокТок начали приспособливать к серьезным разговорам со специалистами. Произошло это в течение нескольких недель, первые тематические коронавирусные эфиры чередовались с «мирными» темами (например, Гордон вместе с астрологами и учеными-скептиками могли еще обсуждать тему «ретроградного Меркурия» и моду на новый мистицизм). Советы и предупреждения врачей-инфекционистов в выпусках новостей постепенно передвигались на вторую-третью позицию, опережая в верстке сообщения о скоростном одобрении поправок регионами, Советом Федерации и отправкой документа в КС. 14 марта глава Совета Федерации В. Матвиенко заявила, что эпидемия, по ее мнению, не помешает всенародному голосованию по поправкам в Конституцию 22 апреля и уже тем более – празднованию Дня Победы 9 мая (Интерфакс), хотя выпуски новостей этого дня уже открывались словами о признании коронавируса «обстоятельством непреодолимой силы», введением все более жестких мер по стране, переводом школьников на дистанционное обучение и введением режима самоизоляции для тех, кто «живет под одной крышей с недавно вернувшимися из стран, где бушует Ковид 19». В эти же дни в некоторых сетевых эфирах (Известия/РБК) еще ссылались на слова некоего психолога, который объяснял, почему россияне не боятся вируса, связывая бесстрашие сограждан с бандитизмом 90-х и кризисом 2008-го. В конце февраля представители китайского посольства в России еще обвиняли российские СМИ в применении некорректных формулировок при публикации информации о коронавирусе. К примеру, в новостях его нередко называли «уханьским» или «китайским», но тему того, что Китай – родина эпидемии и намеки на ответственность Китая за пандемию коронавируса, которые еще прорывались в конце января, к концу февраля уже явно микшировались.

15 марта

#карантинсмедиа Новая телереальность. Первый начал снимать программы без зрителей [1]

17 марта

#карантинсмедиа «... в Берлине даже закрылись бордели» (программа «Время»)

Комментарий к хроникам

15 марта начались прямые включения из Коммунарки, куда впервые привезли съемочные группы информационных служб федеральных каналов. В репортажах сообщали о том, что в больницу доставляют тех, кто был в «опасных» странах, о москвичах с симптомами (вирус подтвержден у 17 человек). Впервые к прессе вышли врачи Коммунарки, которые рассказали, как устроена инфекционная клиника и как работает «красная зона». В кадре пока один единственный звукооператор в маске, он держит микрофон-удочку с надписью «Россия». Все остальные – операторы, журналисты, посетители на эскалаторе, сотрудники справочной, включая главврача Дениса Проценко, – пока с открытыми лицами из мирного времени.

14—15 марта в онлайн «на удаленку» массово уходят музеи и театры по всему миру. ООН и правительства многих стран осваивают формат зума. Новая полиэкранная реальность становится частью нового визуального представления ковидной жизни. Во многих странах введены карантин, объявлены ЧП, медицинские инфраструктуры не справляются с ситуацией – все это становится основной темой информационно-политического эфира и на российском телевидении.

Начиная с первой декады марта, в новостях, дневных и вечерних ток-шоу начинают комментировать и разоблачать панические фейки, которые стремительно распространяются в социальных сетях (пересылаемая запись звонка некоей «Леночке» попала в федеральные новости и большие вечерние информационные эфиры [2]; о мошенниках, предлагающих лекарства от вируса, предупреждают в дискуссионных и криминальных программах). «Советы» якобы «молодого врача» (варианты – племянника, коллеги, «Юры из Уханя»), которые начинают распространять даже профессионалы, работающие в медиа, с опровержением в «большой эфир» не попали. К концу марта тема «китайского вируса» постепенно перекоммутируется в тему того, как Китай успешно борется с угрозой («плохим» Китай называет президент США Трамп, которого цитируют федеральные каналы).

Информационный и политический эфир января-февраля-начала марта – при всей его чехарде – фиксирует «расходящиеся» повестки, когда докоронавирусную политическую тему конституционной реформы и грядущего празднования 75-летия Победы соединить в эфире становится все труднее, но никаких ясных сигналов сплотиться в борьбе с эпидемией еще не звучит, а предупреждения и ограничительные меры выглядят как хаотичные и локальные меры местных властей и отдельных чиновников.

Этот информационный поток сталкивается с нарастанием слухов и рассказами «как на самом деле» в социальных сетях. Именно к марту, когда в эфире федерального телевидения только начинают говорить об опасности распространения фейков (народные рецепты, лекарства от вируса, количество смертей, передача вируса через предметы и пр.) и появившихся мошенниках, уровень распространения недостоверной информации и слухов в социальных сетях нарастал уже больше месяца [3]. Очевидно, что официальное телевидение стало «гасить» уровень тревожности населения и ситуацию неопределенности с явным опозданием.

При этом зазор между реальностью и ее отражением на экране довольно условен (даже инерционное освещение темы «поправок» и «обнуления» все-таки проиграло коронавирусу). Госканалы в этом информационном хаосе для одной части аудитории не стали более скомпрометированными, чем были до этого. Обычно «несмотрящая ТВ» часть аудитории и так ему не доверяла. Но и эта аудитория в стрессовой ситуации все-таки вернулась к новостям и дискуссионным эфирам – в том числе, для того, чтобы узнать «что там они еще расскажут/не расскажут». Для большей части традиционных телезрителей каналы на первом этапе (до объявления пандемии) не особенно эффективно конвертировали лояльность своей аудитории в неупрощенное понимание происходящего, «играя» на привычных «кодах» («у нас такого повального вируса не будет», проскочим как-нибудь «на авось», «мировая закулиса» виновата, «врага шапками закидаем»).

Усиливающее недоверие официальным источникам (не договаривают/преувеличивают), тревожность от неясности противоречивых позиций властей и экспертов, непонимание и раздражение по поводу ограничений – с таким ощущением телевизионная аудитория и само телевидение подошли к драматической фазе пандемийной весны: стремительному росту заболеваемости и разнообразным ограничительным мерам. С середины марта видимая часть эфира все-таки развернулась в сторону неизбежного – информационный и общественно-политический эфир вошел в пандемийный режим.

«Самоизоляция» на экране

17 марта

#карантинсмедиа Сегодня в ленте – массовые обсуждения прокториумов, онлайн сервисов и платформ, разнообразные впечатления от первых дистанционных лекций, интерактивных эфиров, стримов, видеоконференций (в том числе попадающих в кадр детей, бабушек, котиков)). И это еще один цифровой сдвиг, стремительно свершающийся на наших глазах! И он не только и не столько про технологии. Я еще помню первые включения на радио

с мобильного (почти 20 лет назад). Потом студийные прямые эфиры, в которых поэтапно менялись средства связи – стационарные телефоны, пейджеры, мобильные, соцсети, мессенджеры, видеострим. Потом к срочным «включениям» и комментариям на ходу, из машины, в неурочные часы, выходам в эфир из дома привыкли домашние – дочь и муж прикрывали двери, понижали голос. В середине 2006-го к экспериментальным дистанционным курсам Интерьюс по монтажу, съемке, написанию текста мы впервые подключаем редакции телерадиокомпаний в регионах. Потом настало время «где вайфай – там и редакция, и учебная аудитория». Первую серию удаленных семинаров из дома для красноярских коллег, которые из разных краевых уголков подключались к субботним занятиям по скайпу, я провела почти 10 лет назад. Мультимедийность для медиа становилась общим местом. И вот теперь умение общаться, включаться, реагировать, модерировать, «держат эфир»/бесконтактную лекцию на удалении, вести дискуссию, владеть гарнитурой; помнить о ракурсе, заднике, освещении, не забывать о картинке (не деревенеть, но и не размахивать руками) и «рамке кадра» (не «вываливаться»), звуке, хронометраже; хотя бы немножко понимать про платформы и инструменты онлайн образования – на наших глазах становится массовым навыком преподавателей университетов. Время тотального онлайн) **#цифроваявышка#вышкаонлайн**

20 марта

#карантинсмедиа Вот так это теперь выглядит. «Как не хватает аплодисментов». Денис Мацуев открыл «Домашний сезон» в 4К на платформе Премьер (совместный проект Газпром-медиа и Минкульт). Когда-то именно Мацуев открывал проект «Виртуальный концертный зал» – трансляция концертов Московской филармонии. С сегодняшнего джазового-онлайн начинается серия сольных и камерных концертов без публики из Концертного зала имени П. И. Чайковского. «Домашний сезон» – проект, родившийся из общего желания продолжать концертную жизнь. Это акт солидарности, любви к музыке и публике. Программа была создана за очень короткое время и продолжает формироваться. Все музыканты выступают без гонорара (фото зала) [4]

21 марта

#карантинсмедиа Машков про нерушимые границы (с нотками пафоса и стали). Газманов про войну, Победу и память (проникновенно). Безруков, цитируя Тургенева, про «великий русский» (благостно, с интимными интонациями). В эфире федеральных каналов пошли ролики: «Наша страна, наша Конституция, наше решение!». Покажут еще 25 штук в течение месяца. Говорят, трех богатырей из мультика тоже подключили под это «наше решение». На фоне новостей и встык с информационными выпусками выглядит прямо диковато

21 марта

#карантинсмедиа «Освежающий формат» самоизолировался <https://tass.ru/obschestvo/8032787>. Через месяц, не дотянув недели до финала, эксперимент по сериальному растягиванию одного политического интервью в цифровую вечность прекратили. Уж больно поперек информационной повестки. Но все-таки, благодаря профессионализму, вопросам и реакциям Андрей Ванденко, эти синкопированные верховные реплики можно было терпеть (ссылка на пост Ванденко от 19 февраля) [5].

22 марта

#карантинсмедиа Первый – первым из федеральных – начал перекраивать программную сетку. Сегодня отменили дневное шоу «Точь-в-точь» и «Данс-революцию». После полудня субботне-воскресную расслабленность начали разбавлять сквозным ДокТоком. Пока «консервы» – повторы вечерних выпусков двух-трехдневной давности с Гордоном (хорошо бы, правда, маркировать, что это повтор). После новостей в 18.00 – премьера документального

фильма про вирус (комменты специалистов, видеосвидетельства с людьми и от людей со всего мира). С завтрашнего дня – премьера дневной полезной программы «Проверено на себе», в которой молодые блогеры начнут обсуждать карантинную повседневность – и самоизоляцию, и меры дезинфекции. Обещают, что с достоинством и с улыбкой. Теперь, возможно, в сквозных прямых эфирах будет все больше новых лиц. То есть вместо штатных орущих «политологов» со страной начнут говорить спокойные вирусологи, врачи, чиновники, психологи, представители малого бизнеса, учителя, ученые, деятели культуры и просто ответственные сограждане.

Комментарий к хроникам

В ситуации пандемии телевидение, обслуживающее интересы правящего истеблишмента, действовало в логике реакций на кризис властных структур. По сути, до середины марта главные федеральные каналы почти не пытались выйти за «рамки» привычной информационной и общественно-политической «повестки дня», пытаясь балансировать между «политической повесткой» поправок в Конституцию, празднования Победы и «очередным вирусом», который бушует за границей. Помимо привычных установок с экрана не решались демонстрировать растерянность, неочевидность, спорность возможных ограничительных мер и масштаб беды (только в онлайн-медиа обсуждались «трения» московских и федеральных властей).

Разумеется, не сразу нашли спикеров по теме: от экспертного языка ученых, медиков, реальных специалистов аудитория дневных телевизионных шоу давно отвыкла. Смысловая чехарда, когда в одной программной сетке начинают жить серьезные экспертные дискуссии и конспирологические сюжеты с псевдоэкспертами или «шапкозакидательскими заявлениями» в стилистике доктора Мясникова, разумеется, вносили информационную смуту. Такая мерцательная стратегия, иногда даже метания между здравомыслием и вопросами «от имени людей» (Шейнин/Гордон), в сочетании с мелькающими в эфире политиками и чиновниками («всемирно поддерживаем Конституцию и голосование»), политологами – «отрицателями» и «конспирологами», патриотами – «мы в кольце врагов», «вокруг происки», – отражают стратегию правящего политического класса в борьбе с пандемией (либо ее отсутствие на первом этапе, либо сознательную неясность).

В том числе и из-за отсутствия разъяснительных и понятных людям сюжетов и программ в первый период эпидемии, часть разумных антиковидных мер (местных властей и, прежде всего, московских) на фоне колебания федерального центра в момент кризиса к концу марта, вызывали негативную реакцию у общества.

«Недокарантин» и новая ритуальность

25 марта

#карантинсмедиа Понятно, что вчерашний визит в Коммунарку был показательным. Ждем. Видимо, «братья и сестры» (Путин обратиться к нации)

26 марта

#карантинсмедиа Теперь каждый ютубер, интаграммер, скайпер и зуммер может больше не испытывать комплексов по поводу картинки. Большое информационное ТВ (Р24 – первый из федеральных) из своих сияющих студий переехало на удаленку: камеры на домашних компьютерах, «ухо» – обычные наушники, иногда подвисает зум, коры включаются на фоне стен и полок собственных квартир, на «выпуске» в студии очевидно ограниченное количество людей, которые, скорее всего, уже работают в карантинных сменах. Уникальный опыт этого непростого технического эксперимента наверняка повлияет на перспективы существования инфраструктуры громадных ТТЦ, круглосуточных каналов и дорогих новостных ньюзрумов.

PS. Теперь в сетях шутят по поводу несделанного вовремя ремонта, обсуждают обоим и разнообразие полок и их содержимое. С проблемой «фона» столкнулись на неделе и многочисленные университетские преподаватели, перетекшие в онлайн. Если что, то в зуме есть функция «фона» – можно выбрать картинку на задник)))

27 марта

#карантинсмедиа с середины недели стали приходить сообщения в личку – «письма» от подписчиков. Привожу одно из них – типично:

«Здравствуйте, Анна! Предлагаю ввести в общественное пространство тему – призвать телевизионные каналы в выходные к массовому показу кинокомедий и комедийных сериалов. Известно, что депрессивное состояние значительно снижает иммунитет человека, а население полностью задавлено депрессивными новостями. У вас много связей в телевизионной сфере. Предлагаю „вбросить“ такую инициативу».

Ну вот, вбрасываю!

И вопрос. С учетом того, что новости такие скоро не исчезнут (напряжение и тревожность будут повседневными, ну и мы же не хотим «запретить» плохие новости?!)), а мобилизационный фон и тема пандемии останутся основными во многих других общественно-политических программах и шоу, то как, по вашему, телевидение должно перестроить программную сетку? Комедии и юмористически сериалы помогут?

28 марта

#карантинсмедиа М24. Прямой эфир. Сквозная тема – сидим дома. Москва ушла в онлайн. Работают профессионально – спокойно, без стеба и пугалок. Информировать, напоминают, объясняют. Судя по картинке, улицы и площади в центре пусты, у единичных окошечек фастфуда – разметка дистанции. Очередь небольшая (в основном, молодежь), но дистанцию соблюдают не очень. Сквозная рубрика новостей: «А нам все равно?». Кору М24 включаются из парков в районах больших жилых кварталов (Тарлицкий, Черкизовский), от разных городских прудов. Если судить по общей картинке всех включений, десятки людей у мангалов, в беседках, на скамейках, на пробивающейся травке, на набережных. Микрофону не рады, говорят не очень охотно, отворачиваются, некоторые – бравируют: «А я не болею», «Мы не заразные», «А мне только 62», «У меня ДР», «Погода хорошая, когда испортится, тогда и изолируемся», «А у нас все равно корона» (шутили, надо полагать). Да, очень трудно принять изменившейся мир...

29 марта

#карантинсмедиа Рекомендации от Союзмультфильма для детей. И наступивший повсеместно с субботы новый этап информационного сопровождения пандемии. В межпрограмке основных каналов – социальная реклама от Стопкоронавирус. рф и флешмоба докторов «Они остались на работе ради нас, останьтесь дома ради них». Обращение «лиц» каналов, известных людей – актеров, певцов, режиссеров – сидеть дома, мыть руки и соблюдать дистанцию («справимся вместе!»). Памятки про фейки и проверку источников – в новостях, правовых программах, передачах о здоровье, которые обязательно начинаются со сводок и инфографики о самочувствии планеты. Вещание из дома – от резидентов Комеди до ведущих круглосуточных каналов. Сквозная тема – соблюдение мер изоляции (включение с улиц/парков/набережных/шашлычных мангалов); тема про жизнь онлайн (платформы/сервисы/досуг/здоровье/образование) сдвигается в выпусках к концу. Сюжеты во всех ЧПешных программах и «дежурных частях» о бизнесе на коронавирусе, циничных мошенниках, экстрасенсах, якобы врачах, перекупщиках, аферистах, наживающихся на беде (в том числе про фальшивые сайты и рекламу медпрепаратов в соцсетях от якобы известных телеведущих и врачей). Плашки,

бегущие строчки, хештеги «будьдома/сидимдома/лучшедома/оставайтесьдома» на всех экранах – от телека до МТС и Яндекса. В репортажах – включение от/из развернутых/строющихся инфекционных больниц/первые кадры из реанимации 67-й больницы с заболевшим мужчиной, который никуда не выезжал (программа «Здоровье»). Первый в федеральных новостях – после начала мобилизационного эфира неделю назад – эмоциональный видеоролик из Италии от сына, потерявшего мать (пока очень аккуратно), рассказы о разворачиваемых моргах в зарубежных городских больницах. Ну и ежедневный отчет мэра Москвы, благодарящего большинство москвичей за самоизоляцию. Сегодня 1000 заболевших в столице и 52 тысячи гулявших накануне на объявленных для самоизоляции каникулах.

30 марта

#карантинсмедиа

Артем Шейнин сообщил в эфире Первого, что нарушает законы жанры. Снижает градус ток-шоу из-за того, что люди у экранов и так наэлектризованы. То есть орать и перебивать в студии Первого временно не будут. Не до провокационной запальчивости. Время показывает

31 марта

#карантинсмедиа утренние новости по телеку. После «статистики пандемии» и отчета о том, как режим изоляции шагает по стране, **впервые** подробный репортаж об умных китайских кодах из Поднебесной, выходящей из карантина. В кадре – люди в масках, дистанция везде, ограждения везде, охрана, посты, скан-аппараты у входов в любые пространства, в том числе в собственный дом – повсеместно. Интонация репортажа – нейтрально-одобрительная (QR коды – зеленый сертификат здоровья; можно забыть паспорт, но нельзя забыть телефон; пропускной режим соблюдается; китайцы привыкли, понимают, что нужно, – подтверждающий синхрон). Разминают тему. Готовимся.

31 марта

#карантинсмедиа Поскольку все, встречавшиеся с Денисом Проценко – от президента и мэра до членов правительства, – сейчас должны изолироваться, то у них будет свои история про проживание в замкнутом пространстве. Так что у народного киноальманаха Бекмамбетова в формате скринлайф могут появиться неожиданные персонажи и истории для экранизации (ссылка на сайт Скринлайфа)

1 апреля

#карантинсмедиа Вот это правильно. И по-человечески. Потому что исключительно «консервные» передачи про путешествия из до-коронажизни все страннее и страннее смотрятся в нынешнем эфирном **#сидимдома**. Путешествия из допандемийной эпохи теперь как повторы старого кино – драгоценный архив. Ну а «Орел и решка» – в новом формате. **#пятница умеет** [6]

3 апреля

#карантинсмедиа 20 лет назад мы зависали в минималистическом красно-черном пространстве ночного «Гордона» на НТВ. Это была такая вызывающая и демонстративная антитеlevisionность. Сотни ученых два или три сезона еженедельно погружали нас в свой научный опыт (без больших упрощений) и в завораживающий процесс мышления. Нынче – трансформация-реинкарнация – привет, коронавагия! Теперь Гордону в вечернем Док-Токе придется довольно активно работать «переводчиком» с научно-вирусологического-эпидемиологического (Мальшева ему – в помощь). Эффект зависания от «научной магии» опять возникает. Не только от употребления слов, которые слышишь впервые, но и от созерцания свежих,

не замысленных экраном лиц ученых и исследователей, которые не орут и никого не шельмуют, размышляют прямо в кадре, свободны в суждениях, пытаются объяснить происходящее с короной. Таких лиц – в том числе женских – мы не видели на большом телеке лет десять. Телевидение вынужденно пересобирается.

3 апреля

#карантинсмедиа Сейчас во всем мире телевизионные новости похожи, особенно по картинке. В межпрограммках – на всех языках слоганы и призывы про «сидимдома» и «вместе справимся». В эфирах обращаются, читают, поют «маленькие – большим» (дедушкам, бабушкам), «большие – маленьким» («звезды» читают сказки и пр). Ведущие развлекательных шоу сидят на карантине, ведут программы из дома с собственными домочадцами – ребятами и зверятами. Минимализм студийных записей и закадровая «кухня» медиапроизводства становятся частью форматов. Ведущие наших общеполитических сквозных эфиров (о, ужас, даже Шейнин) сейчас работают как круглосуточные спрашивальщики «от народа» про главное. То есть просто занимаются, наконец, профессией.

6 апреля

#карантинсмедиа#медиагигиена телек нон-стоп обсуждает и пытается разъяснить формулировки и трактовки скоростных документов «с колес»: «Иисус с собакой на Патриках», «шеллак и спа для богатеньких» – хотя, темы из соцсетей для столицы, а в регионах вон и границы между областями могут перекрыть. Пока еще бестолково обсуждают про необходимость помогать микро-бизнесу и ИП (а можно показывать не дурноватого депутата с хайпом про «мародерство», а рассказать, например, о практике Германии – в качестве пожелания редакторам и продюсерам). За актуальной повесткой новости и разговорные программы все-таки успевают (сегодня опровергали околomedicalного ютубовского гуру, уже неделю обещающего населению исцеление от всего с помощью куркумы и имбиря). Но вот как бы еще объяснить депутатам и прочим ответственным товарищам и господам, что их нахрапистые и самоуверенные суждения по поводу вируса (врачи и вирусологи в отличие от них очень подбирают слова), мягко говоря, неуместны. А тиражируемые выражения типа «эти с чемоданом вирусов из Куршавеля», «таскающиеся по заграницам», «что это граждане вспомнили про паспорта и ломанулись на родину», «у нас в эти заграницы ездят не пенсионеры, а молодежь (интонация – с издевкой)» – это часть «языка вражды». Разобщающего, разжигающего ненависть к разным социальным группам. Он точно не помогает обычным соседям не шарaxаться друг от друга. Этот как бы не «клоачный» язык, конечно, еще накладывается и на многолетнюю работу самого телека по разоблачению всех «чужих», «других» и «вражин» под боком и за рубежами родины. Но нынче-то лучше бы не повышать градус тревожности и агрессии. Этого и так через край. Да и всем нынче полезно не только мыть руки, но и следить за языком, выбирая выражения!

11 апреля

#карантинсмедиа Зал Большого пуст. Но музыка звучит. Артисты на исторической сцене. Симфонический – в разбегающейся мозаике зума. На связи – врачи. Марафон солидарности в прямом эфире сейчас на России1. Пробирает. Но, судя по реакциям, и возмущает тоже: пример для людей дурной (без масок), дистанция – не очень. При этом в кадре клавиши обрабатывают, штатив для микрофона, стулья убирают и выносят работники сцены в масках и в перчатках – это все, конечно, тоже новая визуальная реальность! Живой концерт нынче – неоднозначное решение. И то, что Первый начинает музыкальные вечера из домов, как и запущенный музыкальный марафон на «Дожде» еще три недели назад, выглядит разумнее. Но я – как бы это ни звучало сейчас – вижу в зрелище из Большого без публики – не только эмоциональный акт поддержки и солидарности, но и очень важный месседж на будущее. Многие

и многие массовые события – от спортивных на стадионах до карнавалов на улицах – будут опасны. И даже в театрах и музеях, возможно, какое-то время предстоит соблюдать дистанцию. Вот это новое понимание про нас в пространствах красоты и праздника должно стать частью новой телевизионной картинки! Хорошо бы, правда, про это еще и говорить. И чаще, чем раз в 30 минут – тут правы возмущающиеся, – в этой солидарной концертной истории показывать закулисы. Про то, как там с дистанцией, клавишами и микрофонами. Так что у меня ощущение все-таки смешанное, но и пустота исторического зала сильнее многих слов. И интонация у ведущих – Златопольской и Малахова – человеческая. А вы что думаете? [7]

13 апреля

#карантинсмедиа Будни телевизионных трансляций времен пандемии. Миланский собор (концерт из двух человек для 26 миллионов, трансляция – вклад Ютуба) и Нотр-Дам (службы из пяти человек – специальная трансляция французских каналов из закрытого год назад из-за пожара собора). Телевизионные группы за кадром. Но иногда вдруг мелькает оператор-стедикамщик. Съёмочная группа в Париже, как и музыканты в Нотр-Даме, в защитных комбинезонах и в цветах тамплиеров. Тенор Андреа Бочелли участвует в кампании чрезвычайной помощи в связи с пандемией, фонд певца собирает деньги, чтобы помочь больницам для покупки оборудования, необходимых для защиты медицинского персонала.

17 апреля

#карантинсмедиа В ежевечерний ритуал аплодисментов нашим врачам я не особенно верю (хотя буду рада ошибиться). Особенных традиций нет, отмашки никто не дал. К тому же недоверительные мы (с соседями-то редко кто здороваётся, а сейчас еще и шарахаются), соучастие проявляется чаще всего не публично. Конечно, за минувший месяц доктор/медик, как медиаобраз, стал доминирующим. А вот акценты и интонация очевидно менялись. Оставим пока за скобками новых «студийных говорунов» от медицины, посмотрим на реальных докторов и медсестер, спасающих жизни в жестких условиях развернувшейся пандемии (в «нечеловеческих и сложнейших» спасают только британские, американские, итальянские). После того, как президент осуществил «хождение» в Коммунарку и признал врачей «солдатами этой войны», в эфире федеральных каналов плескалось восхищение нашими докторами и умиление врачебным флешмобом «оставайтесь дома». Не прекращались сквозные включения главврачей Коммунарки, Склифа, других репрофилированных больниц Москвы. Затем эта эмоциональная, воодушевленная и благодарная реакция стала постепенно замещаться обсуждением коллапса медицинских систем в других странах, эффективно разворачивающейся нашей, показом выздоравливающих и поправившихся (медики за кадром). Про врачей, конечно, по-прежнему говорят: им сочувствуют и ради них просят «сидеть дома», их благодарят пациенты, появились репортажи про младший медицинский персонал. Но подробностей из приемных покоев, коридоров больниц и палат все меньше (короткие общие планы), включения из реанимаций все короче, видео самих врачей (особенно из сетей) свели к минимуму. В новостях – открываемые повсеместно новые корпуса больниц и стационаров, в кадре «людей в белых халатах» сменили военные строители, прорабы, начальники военных госпиталей, волонтеры. Концерт из Большого на P1 в поддержку врачей (возможно, из-за скандала с обнаружившимися сотрудниками театра с положительными тестами) в большом информационном поле постарались смикшировать. В общем, тему «врачей-героев» как-то «подсушили». А на этой неделе появился новый смысловой поворот. Рутинный. Уже нет героизации отдельных врачебных лиц, теперь все – просто врачи, которые «просто работают вахтовым методом», они, конечно «с коронавирусного фронта» и «пациентам вместе врачами удалось победить», но «никакие они не герои (сами же говорят) – это просто их работа» и «они не считают, что совершают подвиг, они просто делают свое дело» (цитаты из репортажей новостей и шоу). Вот мне инте-

ресно. Эта трансформация «медиаобраза докторов/сестер» – от героизации (за пару недель некоторые стали телезвездами) до рутинизации (теперь, в основном, фон из людей в белых комбинезонах и масках) – неизбежное проявление нарастания эпидемии, накрывшей уже всю страну – и именно поэтому в эфир не дают подробности трудных будней, тяжелых больных и смертей? Или есть еще какая-то причина, чтобы не превращать врачей в героев, не инициировать флешмобы в их честь, не собирать помощь, не посвящать им эфиры, концерты и акции?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.